

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

РУССКИЙ ВЫЗОВ

Беседуют Юрий Павлов, Маргарита Зайцева

Юрий ПАВЛОВ: На многие мои вопросы биографического, творческого, бытийного характера Вы, Владимир Григорьевич, ответили 5 лет назад. Правда, полный вариант нашей беседы опубликовал лишь покойный Юрий Петухов ("Дальний поиск", 2007, № 6). Сегодня нас двое, и мы попытаемся учесть опыт прежних интервью, постараемся не задавать те вопросы, которые уже звучали.

Владимир Бондаренко из статьи в статью последовательно и настойчиво проводит мысль о России как литературоцентричной стране. Пять лет назад в беседе с Александром Прохановым ("Завтра", 2006, № 7) Вы выразили уверенность в том, что "роль литературы в нашем обществе с неизбежностью будет возрастать". Думаю, вполне очевидно, что Ваш прогноз не оправдался. Более того, литература сознательно еще больше и дальше "задвинута" и в школе, и в вузе, и в жизни в целом. В чем, на Ваш взгляд, причины такого отношения нынешней власти к русской литературе?

Владимир БОНДАРЕНКО: Я и сейчас считаю, что Россия как таковая может существовать лишь как страна, в которой духовное преобладает над материальным. Наш посконный народный идеализм прорывался и сквозь петровские реформы, и сквозь советское материалистическое время, неизбежно прорвется и в наши дни, или Россия перестанет существовать как таковая. А духовное всегда проявляется в литературе. Никакая русская идея, которую в потемках ищет Владимир Путин, невозможна без осознания важнейшего значения слова в жизни страны. Как сказано в Евангелии от Иоанна: "В начале было Слово...". А мы — страна православная... И потому нынешнее пренебрежение литературой у нашей политической элиты я не считаю случайным явлением. Все власти, все партии боятся подлинной русской национальной литературы, как чумы. А заодно боятся уже и любой другой литературы, татарской, еврейской, чеченской, постсоветской, имперской, либеральной, романтической, даже боятся постмодернизма. Ибо и у наших корифеев постмодернизма постмодернистская игра постепенно, может быть, по требованию читателя, к которому они прислушиваются, заменена остросоциальной тематикой, обличением всё того же царящего зла. И потому осознанно, на уровне властителей Кремля, не допускается литература до каналов телевидения, до главных СМИ. Сначала отстранили от всех рычагов влияния патриотических писателей, затем и всех остальных тоже. Чтоб неповадно было.

Смешно, когда сегодня объясняют падение авторитета писателя снижением рыночного спроса. Рынок совершенно ни при чем. Обязуй завтра всех Познеров и Соловьевых приглашать на свои передачи писателей разного направления и возраста, и вновь мгновенно появятся влиятельные писатели. Дай деньги библиотекам на новые книги, и опять вырастут тиражи. Верни обязательный процент с каждой изданной книги в фонд Союза писателей, как Никита Михалков берет себе в фонд с каждого диска и с каждого компьютера — и вновь Союз писателей станет богатой и влиятельной организацией; органи-

зуй оптовую книготорговлю по всей России, с доставкой в каждый книжный магазин новых художественных книг, и появятся новые миллионы читателей.

Это осознанная государственная политика – запрет на писателя, запрет на литературу. По-своему власти правы в своей боязни литературы: все волнения и революции начинались с литературных “гордо реющих буревестников”, с “Архипелагов ГУЛАГ” и так далее. Потому и держат писателей в черном теле, но долго не продержат. Прорвется. Как прорвалась недавно Манежная площадь русским вызовом.

Маргарита ЗАЙЦЕВА: В “Диалоге с другом” (“Я еще обтесываю глыбу литературы”) Вы говорите замечательные слова о том, что литература, чтение делают личность “обогащенной и гармоничной”: “Если человек не то, чтобы болен литературой, но живет ею, просто любит книги, он никогда не будет одиноким и никогда не будет пессимистом”. Каковы последствия “не чтения” литературы для человека, в частности, и общества, в целом?

В. Б.: Увы, но без чтения, самого простого чтения, происходит быдлови́зация населения. Имей ты хоть пять высших образований, будь богачом или усердным эффективным менеджером, ты будешь не личностью, а простым быдлом. Что вполне устраивает многих работодателей. Без художественного чтения не развивается абстрактное мышление, человек мыслит примитивными схемами. Впрочем, это и не скрывается, это тоже – цель нового общества. Большинству населения не надо знать ничего, кроме как нажимать на определенные кнопки в процессе своей работы. Все остальные сегменты мозга должны отмереть. Ведь даже чтение детективов, ужастиков, дешевой беллетристики тоже развивает мозг. Читаешь серию романов “Банда” Виктора Пронина, и у каждого рождается свой следователь Пафнутьев. Телевидение действует напрямую, здесь не рождается никаких образов. Ни комиссара Мегре, ни даже какой-нибудь героини Марининой. И Пафнутьев в сериале “Гражданин начальник” уже задан заранее. А что говорить о сложных ассоциациях при чтении Достоевского или Толстого, Шолохова или Распутина? Гениальный математик Игорь Шафаревич всегда сравнивал математику с поэзией, определяя их, как высшие проявления разума. И потому любая талантливая, якобы ненужная поэзия не только доставляет истинное наслаждение, но и развивает любой интеллект. И потому власть, желающая избавить народы России от “лишнего” интеллекта, будет всячески затруднять доступ к поэзии.

Я бывал во многих странах Европы и в США. Поразительно, как в самых захламленных американских городках строятся чудесные двухэтажные книжные магазины с кафешками на втором этаже. Заходи хоть на целый день, бери книгу с полки, если нет денег купить, и читай за кофейным столиком хоть целый день. Более того, при входе выложены дешевые расхожие бестселлеры и детективы, а дальше на полках ряды самых лучших книг: английская литература, немецкая, французская, русская... Кто-то же по федеральной программе оплачивает эти книжные магазины. Тысячи университетов, и в каждом должность: поэт при университете. Каждый год новый поэт, чтобы предыдущий не засиживался. И целый год поэт на хорошей зарплате просто пишет стихи. Бесчисленные фонды, пособия... Еще не сформировавшаяся как следуют нация осознанно не жалеет денег на интеллектуальное развитие.

Но если мы – сырьевая колония, зачем колонии своя поэзия и своя литература? Сегодня к этой печальной мысли пришли и многие ярые либералы, вспоминая с грустью прошлые времена.

Уверен, полезно любое художественное чтение, к которому надо приучать детей сизмальства. Втягивать любыми интересными книжками. Втянется в чтение – уже не отстанет до конца жизни. Я не согласен с теми, кто боится компьютерной книги. Уверен, бумажная книга никогда не отомрет. Всегда будет хватать любителей книжного запаха, всегда автору будет приятно поглаживать страницы своей книги. Какие-то люди будут читать электронные ридеры. Того же Пушкина и того же Чехова. Ну и что? Когда-то печатная книга была в диковинку, и тоже были ортодоксы, типа Володи Крупина, осуждавшие тогда печатные книги как изобретение дьявола. Главное, не отучить народ читать, прежде всего молодежь. Нечитающая нация – это вообще не нация, это не думающая нация. Она обречена на вымирание.

М. З.: Значит ли это, что нечитающий человек не может быть гармоничной личностью? Какие пути выхода из сложившейся ситуации Вы видите?

В. Б.: Может, я и максималист. Но уверен, нечитающий человек не может быть гармоничной личностью. Когда-то наше крестьянство было недос-

таточно грамотно, и то не везде. У нас на севере не владеющий грамотой не мог жениться. Хочешь, не хочешь – обучишься. Но и неграмотный крестьянин имел богатейшую устную культуру, знал сотни песен, сказок, былин, прибауток, причитаний, наговоров... Это была устная грамота. Сегодня-то её нет совсем. Значит, надо возрождать интерес к чтению. Вводить, как картошку при Екатерине, даже батогом. В древнем Китае любой чиновник сдавал регулярно экзамены, один из самых трудных – экзамен по стихосложению. Не сдал – и катись, нет тебе работы. Неужто китайские императоры были такие любители поэзии и так заботились о возвышенной душе чиновника? А вот устроить бы проверку нашим чиновникам и губернаторам, вплоть до Путина с Медведевым! Кто не сдаст экзамен по поэзии – вали подальше. Почему-то Наполеон в своем обозе возил и ученых и поэтов, и охранял их лучше, чем артиллерию. Почему-то Иосиф Сталин читал художественные новинки даже в годы войны. В самое тревожное время брал на ночь пьесу Корнейчука “Фронт”, или стихи Симонова, или рассказ Платонова. Душу, что ли, тешил? Или понимал, что из величия замысла поэта вырастет величие замысла державы?

По-моему, после Иосифа Сталина – от Хрущева до Медведева – никто кроме “Букваря” в руки ничего никогда не брал. Какое уж тут величие замысла! Значит, если придет к власти настоящий державник, если забрезжит неясная идея выхода из тупика, сразу и увеличится интерес к литературе.

М. З.: *Вы можете дать мне, как молодой матери и преподавателю, совет, как привить ребенку любовь к книге в условиях современного научно-технического прогресса?*

В. Б.: Совет простой, но для нынешних родителей уже трудно выполнимый. Без всяких ссылок на технический прогресс. Каждый вечер на ночь читайте своему ребенку книжку: сказку ли, стихи ли, интересный рассказ, историческую быль. Если будете читать на ночь книгу, через какое-то время он и сам перед сном будет читать книгу. Еще вам и отрывать от книги придется. По ночам, с фонариком под одеялом будет читать, чтобы родители свет не увидели. Сам так читал в детстве.

М. З.: *На заседании “круглого стола” писателей и критиков “Последние станут первыми” в 2004 году Вы говорили о том, что современная литература “не актуальна”. Прочитую: “Разве что Александр Проханов в одиночку тянет на себе груз новой героики, и ему нет пока серьезной альтернативы. Хотя хороши рассказы Вячеслава Дёгтева, появился совсем молодой Захар Прилепин со своими “Патологиями” – романом о чеченской войне. Вот она – новая поэзия”. Изменилась ли, на Ваш взгляд, картина современной литературы? Кто-нибудь пополнил ряды “актуальных” писателей?*

В. Б.: К сожалению, и сегодня не актуальной, усложненной, я бы грубо сказал – онанирующей литературы, которой занимаются лишь для себя и в одиночку, тоже полно. Но, к счастью, хватает и серьезных, ярких современных, социально значимых книг. Конечно, это книги пока еще лидирующих в литературе Александра Проханова, Владимира Личутина, Эдуарда Лимонова, Павла Крусанова. Это и книги молодой волны. Я рад прорыву целого молодого поколения писателей, сбросивших с корабля современности всю постмодернистскую муть. Как бы их ни называли – новые реалисты, живые реалисты, социальная проза, – главное, что появилась живая талантливая проза и поэзия. Назову такие имена, как Захар Прилепин с романом “Санья”, Сергей Шаргунов с “Птичьим гриппом”, Герман Садулаев с “Шалинским рейдом”, Михаил Елизаров с “Библиотекарем”, Андрей Иванов с “Путешествием Ханумана на Лолланд”, Олег Павлов с “Асистолией”, поэты Марина Струкова, Всеволод Емелин, Андрей Родионов, Евгений Лесин. Их много, они неровные, торопливые, мечущиеся, но это современная русская национальная проза и поэзия, и из этих двух-трех десятков, наверняка, выпишутся в крупные писатели человек пять.

М. З.: *Чего еще, на Ваш взгляд, не хватает современной литературе?*

В. Б.: Может быть, величия замысла. Быть с веком наравне.

Ю. П.: *Павел Басинский назвал Вас критиком-идеологом, для которого в девяти из десяти случаев текст – дело десятое (“Литературная газета”, 2003, № 42). Прокомментируйте, пожалуйста, Владимир Григорьевич, это мнение, тем более что нечто подобное высказывают и некоторые авторы, условно говоря, патриотического направления.*

В. Б.: Честно говоря, все мы любим ярлыки, они удобны критикам. Прочитал книжку какого-то автора – одну, вторую, пригвоздил на положенное мес-

то, а потом по привычке, уже не читая следующих книг (на всё времени ни у какого критика не хватит), ссылаешься на этот случайный “гвоздь”. А писатель, стервец, меняется всё время. Он уже другой. За ним не угонишься. Вот и Павел Басинский, наш просвещенный либерал, запомнил мои яростные антиперестроечные статьи девяностых, когда я и его, притулившегося к либеральному берегу, критиковал нещадно, и считает, что я обо всех писателях сужу лишь с их идеологических позиций.

Не собираюсь оправдываться, считаю, что не учитывать позицию автора бессмысленно, что неидеологической литературы не бывает. Неидеологическая литература – это тоже идеология. К примеру, замечательна книга Павла Басинского “Уход Толстого. Бегство из рая” своей бытовой дотошностью, хроникой последнего года Льва Толстого. Но он осознанно, может быть, подмазывая политике наших властей, уходит от яростной идеологии великого мудреца и пророка Льва Толстого. В упор не видит ни учения Толстого, ни его публицистики. Одни семейные коллизии. Изящная дамская проза о запутавшемся в семейных делах старце. И ни слова о его воинственной, беспощадной идеологии, о его пророчествах. Это ведь тоже идеология наших дней – уход от любой идеологии, от любых идеалов. Да, позиция разбираемого автора мне всегда важна и интересна. Впрочем, моя яростная порой позиция не устаривает и многих моих коллег.

И тем не менее, еще с первых критических шагов, я считал и считаю (и писал о том не раз), что прежде всего важен талант писателя, его чувство слова, его художественность. Вот роди ребенка, а потом уже и заворачивай его или в красные, или в белые, или в голубые пеленочки. Определяй его позицию. Нет книги талантливой и яркой – не интересна и позиция того же патриота Хатушина или либерала Кабакова, не интересны ни пошлая развязность Колядиной, ни скучные стихотворные штудии Айзенберга. Всех своих оппонентов спрошу: назовите книги бездарных авторов, которые я восхвалял в целых статьях лишь за их правильную позицию. Не назовете ни одной. (Не будем касаться списков, иногда перечисляемых критиками для убедительности. Там могли попадаться и слабые книги. Возьмем статьи об авторах.) А вот статей о книгах авторов талантливых, но позиционно мне чуждых, я писал не раз. И за это тоже меня пещочили мои коллеги.

Ю. П.: *В минувшее десятилетие Ваш самый частый, жесткий и жестокий критик – это Капитолина Кокшенева. К тому же, в полемике с Вами она в выражениях не стесняется. Чем Вы можете объяснить такое отношение к Вашему творчеству одного из ведущих и талантливых критиков-патриотов?*

В. Б.: Скажу честно, считаю, что имею дело с элементарной писательской завистью, более ни с чем. Когда-то я начинал печатать самые первые статьи молодой театральной критикессы Кокшениевой в журнале “Современная драматургия”. (Кстати, там же я был крестным отцом и театральным критиком Александр Минкина и Андрея Караулова. Увы, позже способствовал приему в Союз писателей Михаила Швыдкого.) Нам с Капитолиной вроде бы и спорить не о чем, во многом общие позиции, а там, где расходимся, так мы и не встречаемся. Нигде её не критиковал и не замалчивал. Но, как говорят о патриотической критике, сразу обычно называют Бондаренко. И вижу, как лицо Капитолины меняет выражение. Может, и целый Гражданский форум литературный создала с помощью Александра Потемкина, чтобы утвердить себя в роли лидера, и меня оттуда удалила, чтобы я не мешал. А всё пока в любой полемике до роли лидера патриотики не поднимается. Как тут не возненавидеть!

Но ведь если это всё для пользы дела – пусть так и идет. Гражданский форум держится – и замечательно, статьи выходят о русской литературе – прекрасно. Утвердится когда-нибудь в роли лидера – и это хорошо. Многие в литературе держится на честолубии автора – поэта, прозаика, критика.

А мне-то с Кокшениевой спорить не о чем. Я в ней конкурента не вижу. Вообще считаю, что в литературе нет конкуренции. Всем места хватит. Я могу сотым написать о романе, к примеру, Захара Прилепина, а Кокшенева первой напишет. Всё равно я напишу так, как никто другой не напишет, плохо ли, хорошо ли, но по-бондаренковски. Когда уже есть свой стиль, от себя не уйти. А место в шеренге я никогда не искал. Где-то первый, где-то десятый, где-то сотый, а еще лучше всего, когда просто сам по себе.

Ю. П.: *Вообще же многое из того, что написано о Бондаренко в последние годы, вызывает удивление и печаль. И “хвала” (А. Байгушев), и “хула” (В. Бушин, А. Разумихин, Я. Мустафин) очевидно тенденциозны и непрофес-*

сиональны. Непонятно другое, чем руководствовались главные редакторы изданий, публикуя эти заведомо провальные материалы. Как Вы ответите на этот вопрос, Владимир Григорьевич?

В. Б.: Я иногда подумываю составить сборник статей “Против Бондаренко”, хорошая компания соберется. Рассадин и Кокшенева, Наталья Иванова и Владимир Бушин, Алла Латынина и Владимир Гусев, Михаил Веллер и Ямил Мустафин, Илья Кукулин и Илья Колодяжный, Юрий Суровцев и Евгений Ермолин... От “Правды” до “Нового русского слова”. То я жидам продался, то жидоненавистник. То лютый советчик, то антисоветчик. Главное, что я как бы навязываю всем своим оппонентам свой яростный эмоциональный стиль, и тот же Павел Басинский становится в споре со мной идеологичнейшим критиком. Если прочитать весь такой сборник, кажется, что я его и написал. А на вопрос, зачем главные редакторы той же “Литературной России” печатают такие тенденциозные и непрофессиональные материалы обо мне, отвечаю так. В большинстве своем из-за скандальности темы. Дабы обрести бульварную славу. Не думаю, что тот же Вячеслав Огрызко согласен со всем тем дерьмом, которое он частенько публикует. Какие-то мелкие цэдээловские дразги, никчемные споры, не хватает величия полемики, даже той же идеологичности. Зато обывателю читать интересно, пятки себе пощекотать. А надо ли?

Ю. П.: *Ваша публикация этого года о Юрии Кузнецове (“Литературная Россия”, 2010, № 12) вызвала немало вопросов, один из них задам. Владимир Григорьевич, стихи Кузнецова о любви Вы называете “редкими, но чрезвычайно меткими”. В чем их “меткость”, поясните, пожалуйста?*

В. Б.: Наш последний русский гений XX века Юрий Поликарпович Кузнецов, которого я достаточно хорошо знал, соседствуя годами с ним на даче, где и он, и я преимущественно жили, к стихам о любви обращался крайне редко. Во-первых, он поэт иной, эпической, метафизической, глубины и силы, и ему, мне кажется, были не столь интересны простые лирические моменты в поэзии – не только в своей. В силу своего характера не был он и по жизни увлекающейся ветреной натурой, после которого можно составлять щедрый донжуанский список. Но в любви своей, в тех редких стихах о любви он соединял воедино и величие природы, и величие духа, и величие лирического момента. И потому меня лично его стихи о любви просто поражают. К примеру: “Который день душа ждала ответа, Но дверь открылась от порыва ветра... Ты женщина – а это ветер вольности. Рассеянный в печали и любви, Одной рукой он гладил твои волосы, Другой – топил на море корабли...”

Думаю, и его любовь была подобна тому самому вольному ветру. Он не любил симоновское сюсюканье, так же, как и стихи даже хорошо знакомых ему лириков. Он и женщину свою поднимал до своего величия, ставил хоть на миг, но рядом с собой и вечностью. Но и разрыв с любовью у поэта проходил так же величаво-трагично: “Я вырву губы, чтоб всю жизнь смеяться / Над тем, что говорил тебе: люблю...” Какой-то античный герой, мифотворец. И своей верной подруге, проводившей его в последний путь, посвятившей ему полжизни своей, он написал, может быть, и суровые, но величественные стихи о верности.

*Жил я один. Ты сказала: — Я тоже одна,
Буду до гроба тебе, как собака, верна...
Так в твою пасть был я брошен судьбой на пути.
Грызла меня, словно царскую кость во плоти.
Страстно стонала, хотя и другие порой
Кость вырывали из пасти твоей роковой.
С воплем бросалась на них ты страшной сатаны.
Полно, родная! Они, как и ты, голодны.
Высосан мозг, и в порожней кости иной раз
Дух или ветер поёт про последний мой час.
Брошенный, буду мерцать среди горних светил...
В Бога поверь, чтоб тебя он за верность простил.*

Такое прощение за верность не найдешь ни у какого другого поэта.

Он любил женщину, как космос, как небо. В чем-то он глобальностью замысла любви схож разве что со своим антиподом Маяковским: “В поцелуе руки ли, губ ли... Красный цвет моих республик тоже должен пламенеть”. Земля и небо, губы и держава, волосы и затопленные корабли. Это и есть замах любви Юрия Кузнецова. На таком замахе трудно удержаться. Быть вровень со

своим героем долгое время почти невозможно. Вырывать губы тоже можно лишь раз в жизни, вновь не пришьешь.

Ю. П.: В названной публикации Вы утверждаете, что Юрий Кузнецов к статьям Вадима Кожинова, “которого очень ценил, относился снисходительно”. В чем причина этой “снисходительности”?

В. Б.: Насколько я знаю, Вадима Вальерьяновича Кожинова Юрий Кузнецов очень ценил, и как друга, и как мудреца русского. Но к критике в целом он относился несколько снисходительно. К любой. Он и кожиновскую критику лишь встраивал умело в свой кузнецовский миф. Есть право у любого большого поэта на свой миф. Так что снисходительно поэт относился не к самому своему другу, а к его, да и любой другой критике. Он и мне снисходительно говорил: “Да, ты что-то там уловил, но сам не понимаешь что...” Впрочем, он и сам не до конца понимал свою поэзию. Давал иной раз разные её толкования.

Ю. П.: Есть расхожее мнение, что в жизни любого творческого человека есть взлеты и падения, периоды наивысших достижений и кризисов. Мне кажется, что к Владимиру Бондаренко этот подход неприменим: я не вижу явных признаков простоя, застоя в творчестве В. Бондаренко, явного снижения качества его публикаций. Есть более или менее удачные статьи, книги, но откровенно провальных назвать не могу. Насколько справедливо мое наблюдение, и как Бондаренко удается все время (примерно около 40 лет) быть в форме, быть на высоте, быть на уровне лучших критиков XX–XXI веков?

В. Б.: Я отношу сам себя к пассионарным личностям. С высоким запасом энергии. Плох я или хорош, покажет время, я судить не буду. Но творческая энергия никогда меня не покидала. Не сказать, чтобы моя жизнь была ровной, не было препятствий и трагедий. Всё было – и уголовное дело на меня заводилось надолго и всерьез за мои статьи (до 5 лет тюрьмы по трем статьям в ельцинское время), и смерть маленькой дочки пережил, смерть родителей, и несколько раз выгоняли за политику с работы. В “Правде” в самые глухие брежневские времена писали об антиленинской позиции молодого критика Бондаренко. Иной бы после одной такой статьи сломался до конца жизни, а я, удаленный из литературы, весело ушел в другую – театральную жизнь, проработал завлитом и в знаменитом Малом театре времен Царева, и в МХАТе. Стал ведущим театральным критиком. Там нашел и свою нынешнюю жену Ларису Соловьеву, актрису, театрального педагога, мастера по голосу и речи.

В самой газете “День” – “Завтра” за двадцать лет тоже всё бывало. Поджидала меня прямо у дверей квартиры на третьем этаже банда либеральных недоброжелателей, разбили голову. Приходилось вместе с Прохановым и Нефедовым, спасаясь от ареста, скрываться в личутинских рязанских лесах. Но не было никогда чувства пессимизма.

Мне кажется, позитивная энергия помогает человеку выживать. Я умею радоваться жизни всегда. Красота природы, красота литературы, красота любви, которой я тоже не был никогда лишен. Не лишен и нынче. Это тоже немаловажно, не всем дано чувство большой любви. Я любил и был любим. У меня два сына, оба живут творчески, полноценной жизнью. Один – ведущий кельтолог России, другой – известный политолог. Растут два любимых внука. С детства был окружен друзьями, с иными дружу и до сих пор. Друзья – это твоя большая семья, это круг единомышленников. Всегда можно надеяться на поддержку. Остались друзья и в Питере, где я учился. Есть верные друзья в мире литературы, прежде всего Александр Проханов и Владимир Личутин. Это всё тоже позитивная энергия. Значит, буду писать, пока есть творческий порох в пороховницах. В плане – добрых пять новых книг. К юбилею выходит в издательстве Олега Платонова избранное “Русский вызов”. Надеюсь, буду интересен и читателю.

Ю. П.: Уже четырнадцать лет Владимир Бондаренко, практически в одиночку, издает газету “День литературы”, которая стала родильным домом для многих и многих авторов. Известны огромные трудности Бондаренко-редактора, известны и абсурдные – “гонимые” – выпады против Бондаренко... Что двигало и движет Бондаренко-редактором, что не позволяет ему закрыть газету и жить спокойно?

В. Б.: Даже не знаю, что и держит. Честолюбие вроде бы уже ушло на третий план, выше себя не прыгнешь. Прибыли никакой, одни убытки, меценатов русских как не было, так и нет. Скорее, любовь к самой литературе. Худобедно, но мы печатаем многих талантливых авторов, открыли многие имена.

По рейтингу ссылок на втором месте среди литературных изданий. Пока держусь. Знаю, что иные материалы никто, кроме меня не напечатает. Мне уже терять нечего, закроют – и закроют. Всё жду какого-нибудь такого материала, чтобы вышел, и нас сразу бы запретили. Вот радости-то было бы! Хотя внутренне называю уже это состояние – “жизнь после смерти”. Понимаю, что можем закрыться в любую минуту. Не будет денег на номер – и всё. Меня еще поддерживает на плаву в газете верный помощник, уральская казачка Валентина Ерофеева. Если бы не её упрямый характер, может, я бы и закрыл уже газету.

Ю. П.: *Я мог бы привести множество примеров, подтверждающих Вашу правоту, Владимир Григорьевич, и иллюстрирующих уникальность “Дня литературы”. Под его крышей публикуются авторы разных направлений, в частности, патриоты, которые вместе на страницах других изданий, например, “Москвы” и “Нашего современника”, немислимы. И Вам за эту широту, за эту редчайшую в нашем литературном мире способность подняться над человеческими и литературными симпатиями и антипатиями особая благодарность.*

В. Б.: Кстати, как этот вопрос согласуется с утверждением Басинского о моей излишней идеологичности? Я, на самом деле, русофобию, или пошлость бульварную печатать не буду, а во всем остальном – определяет мера таланта. От Бродского до Кузнецова, от Проханова до Макарина, от Пелевина до Буйды, от архаики до авангарда, всё талантливо примем и напечатает.

М. З.: *Есть ли “типичная” ошибка у современных начинающих критиков? У современных начинающих писателей?*

В. Б.: Я бы не назвал это “типичной” ошибкой, скорее, типичной слабостью. Мало вымысла, писатель теряет дар вымысла, живут за счет тех или иных ярких впечатлений: чеченская война, нацболы, учеба, неудачная любовь, всё из жизни, пишут иногда друг о друге. Кто из них дозреет до яркого вымысла, тот и станет крупным русским писателем.

Критикам нынешним молодым не хватает знания советской литературы, Делают прыжок от Чехова и Бунина к Астафьеву и Битову и... проваливаются в пропасть.

Ю. П.: *Владимир Бондаренко на протяжении, как минимум, десятилетия “лоббировал” премиальные интересы многих прозаиков: Александра Проханова, Владимира Личутина, Захара Прилепина, Петра Краснова и т. д. На мой взгляд, сам Бондаренко давно заслужил и “Нацбест”, и “Ясную Поляну”... Кто-нибудь из названных и неназванных лауреатов выдвигал Бондаренко на эти и другие премии?*

В. Б.: Выдвигал меня на премию, пожалуй, один лишь Юрий Козлов. Остальные успешно “задвигали”. Я не перекармливан премиями. Ценю присужденные мне премии “России верные сыны”, к сожалению, ныне закрытую из-за прекращения финансирования, и “Хрустальную розу Виктора Розова”, мною всегда, с юношеских лет горячо любимого, истинного русского творца и патриота. Смешно – на Большую литературную премию “АлРоса” меня выдвигали сами якутские алмазодобытчики из “АлРоса”, но Союз писателей “завинул”. Дали лишь третью “региональную”. Спрашивается, от какого региона? На друзей обижаться грешно. Да и амбиций у прозаиков всегда больше, чем у критиков. И потом – “лицом к лицу лица не увидать”. У друга Проханова вдруг читаю, когда он говорит о замалчивании его критикой, мол, “пишет Бондаренко. Но он не в счет”. Естественно, ему хочется, чтобы о нем молодые либералы писали – большой пиар. Володя Личутин вдруг выдал в “Литературной газете”, мол, обо мне “большие настоящие критики не писали”. Опять – хоть стой, хоть падай. Ладно, пусть я не настоящий критик, но о нем писали и Дедков, и Курбатов, и Архипов, кого ему еще надо, Немзера с Чуприниным подавай?! Впрочем, и Сергей Беляков о нем писал, и тот же Лев Данилкин. Меня всё упрекают, что я пишу в диапазоне “от Личутина до Проханова”. А сами друзья, получается, мои статьи в расчет не принимают. Можно, конечно, ответить им, что и я свои статьи о Проханове и Личутине всерьез не пишу, так, отделяюсь – поденная халтура. А мою настоящую критику читайте в статьях о Бродском и Ахмадулиной (Белла говорила, что высоко оценила мою статью о ее поэзии), о Довлатове и Олеге Григорьеве, о Ленечке Губанове (вдова признавалась, что это лучшее, что о нем написано) и Эдуарде Лимонове. Но, если я в отместку друзьям так напишу о халтурности своих статей о их творчестве, это будет неправда. И о Личутине, и о Проханове я писал с полной отдачей сил и всерьез и не считаю эти работы для себя проходными. И независимо ни от чего, я-то всегда буду выдвигать на любые премии тала-

нтливые работы своих друзей. Заниматься междусобойчиком никакого желания нет.

Я – критик, тем и горжусь. И всегда утверждаю, что дар критика – самый редкий в литературе. Много в России талантливых прозаиков, меньше талантливых поэтов, критиков всегда единицы – пересчитаешь на пальцах руки. Надеюсь, пригодятся и будущим читателям мои книги.

М. З.: *Что вы считаете самым важным в своей жизни?*

В. Б.: Я был с детства влюблен в литературу, может быть, даже чересчур. Писал же я и стихи, и рассказы. Все равно стал бы каким-то литератором. Но мне интереснее было писать о литературе. В своем творчестве считаю самым важным, что сумел открыть десятка два талантливых писателей, сумел первым определить направление прозы сорокалетних, сумел и ныне заметить новую волну в литературе.

Самое важное и в литературе, и в литературной критике, и в публицистике – познание России и русского человека. Мы формируем русскую национальную элиту – важнейшая задача русской словесности на все времена.

М. З.: *Какую из своих “побед” Вы считаете главной? Какое поражение не дает вам покоя?*

В. Б.: В своем активном жизнеутверждении я и на самом деле, по-пастернаковски, не умею отличать поражение от победы. Главная книга – та, что впереди. Главное поражение будет, когда кончится творческая энергия. Что считать победой? Я достаточно быстро еще в брежневские годы стал зав. отделом критики в “Октябре”, членом редколлегии, и дальше, при всех переменах в жизни, примерно нахожусь на том же служебном уровне. Можно считать “поражением”, когда меня сначала утвердили на новое высокое место работы в “Советскую Россию” при Ненашеве, и за день, когда я должен был прийти на работу, сказали, что всё отменяется. Когда то же повторилось вскоре один к одному и в “Известиях”, и в “Комсомольской правде”, когда мне отказали в визе даже в Монголию с группой писателей, я понял, что из известной конторы на меня всегда идет какая-то отрицательная характеристика. Как сообщили в одном письме из той же конторы в Союз писателей СССР Георгию Маркову, у писателей есть три неисправимых русских националиста: Лобанов, Кожин и Бондаренко. Я был поражен такой оказанной мне честью. Думаю, мою значимость тогда явно преувеличили. Я был на самом деле еще начинающим критиком, без единой книги, за что мне такая слава? Да и компания попалась достойная. Вот и думайте, считать мне это поражением или победой? Так и в другом. Выгнали из “Октября” в один день за ту же самую “антиленинскую позицию в национальном вопросе”, надо бы плакаться – остался без работы... На мое место взяли юного Сашу Михайлова. У Ананьева были свои взаимоотношения со старшим АлМихом, поддержал товарища. Встречаю через месяц Сашу. Он должен радоваться, а я плакаться. Я же веселый, создаю с нуля новый журнал “Современная драматургия”, мне дано много воли, прекрасный коллектив, замечательный редактор Василий Чичков и его зам. Сева Малашенко. За советский период – лучшие годы работы. А Саша идет понурый, проклиная всех и вся. Так это у меня поражение или победа?.. Закрыли газету “День”, зато открыли газету “Завтра”. Опять беда. Для меня и моей жизнеутверждающей философии есть только одна трагедия – смерть близких. Только одна драма – болезни и мучения. Может быть, и был для меня единственным поражением мой второй инфаркт, из которого я еле выполз, теперь хожу с тремя стентами – металлическими пружинками в самом сердце, позваниваю ими при таможенных осмотрах на границе.

М. З.: *Как женщину, меня поразило и тронуло редкое признание для современного публичного человека (не говорим о пиаре в политике, шоу-бизнесе и т. п.), прозвучавшее у Вас. Называя силы, позволившие Вам преодолеть многое и выстоять в неравной борьбе, Вы сказали: “Со мной была великая русская литература, были верные друзья, была любимая женщина”. Как удалось пронести эту любовь через многие годы?*

В. Б.: Скажу честно, я по жизни, по характеру не ловелас, не любитель игривых романчиков, но и не пуританин. Как писал Юрий Кузнецов: “Страстно стонала, хотя и другие порой Кость вырывали из пасти твоей роковой”. Вот так и меня вырывали порой. Была первая жена, со студенческих лет, Наталья, у меня с ней и сейчас самые дружеские отношения. Была Ольга, мать моего сына Олега. Но, как часто бывает, уйдя из литературы, порвав после своего изгнания с одним образом жизни и погрузившись лет на десять в яркую кар-

навальную театральную жизнь, я нашел в этом красочном карнавале и свою избранницу. Уже лет 25 живем вместе. Лариса работала актрисой в театре “Современник”, потом ушла со мной во МХАТ. Встретились мы и впрямь – на небесах. Летели с делегацией ВТО (Всероссийское театральное общество, нынешнее СТД) в Красноярск, в январе 1985 года, в самолете и разговорились. Потом театральные встречи в Красноярске, обсуждение в местном театре, встреча с Виктором Астафьевым. Может быть, и бывают скоротечные романы, но только не у меня. Это были огонь и вода, страсть и смирение, всё клочкотало. Наш роман везде обсуждали и не верили в него. Еще бы – одна из ведущих актрис “Современника”, красавица из либерального театрального бомонда, и русский националист, незнамо зачем и как приземлившийся на театральной сцене. Из всего этого выросла большая и нежная любовь, которой хватит до конца дней наших.

М. З.: *Способность любить – не теряет ли это качество современный человек?*

В. Б.: Думаю, не потеряет никогда. При всем цинизме и прагматизме налетит на человека такая диковинная штука – любовь, и все расчеты к черту, до бизнеса нет дела. Что угодно может потерять человек, но только не чувство любви.

М. З.: В завершение нашей беседы мы вновь вернемся к литературе. Говоря о силе “предчувствия” русской литературы, о ее провидческой силе, в уже упоминавшемся “Диалоге с другом” Вы высказывали мысль о том, что если бы “наше маразматическое политбюро позднего брежневского периода умело читать книги”, например, если бы они читали прозу сорокалетних, можно было бы тогда “предвидеть будущий перелом, будущую разруху державы и как-то ее удержать” и даже остановить. Не утопична ли сама по себе эта мысль? В конце XIX – начале XX века читающими были и русская интеллигенция, и царская семья. Однако это не спасло нас от катастрофы. В. Розанов выдвигал как раз прямо противоположную идею о том, что литература разрушила Российскую Империю посредством влияния на умы “читающего” общества.

В. Б.: К сожалению, плохо читали и цари, и жандармы. О революции уже говорили и писали все. И хватило бы небольшой достойной команды, чтобы обезглавить верхушку разрушителей и отодвинуть революцию. Но – сил на это уже не было. Литература и настаивала при этом на необходимых переменах. Ведь любую модернизацию общества можно провести сверху, а можно снизу, через революцию. Наши власти, увы, традиционно ждут до самой революции. То же происходит и сейчас. Манеж – это первый звоночек. Русский народ унижен и растоптан, на любую национальную республику тратится в десятки раз больше средств, чем на русские области. Русским негде работать, а Россию наводняют гастарбайтеры с юга, отрицающие наши традиции и устои. Мне даже жалко тех же таджиков, туркмен, киргизов. Все знают, что зарплата дворника – 30 тысяч рублей в Москве. Получает зарплату или муж, или племянник домоуправши. Нанимается таджик, живет в сыром подвале, платят ему лишь 5 тысяч. Но, вспоминая я, ведь сначала этот же несчастный таджик активно силой выгонял все русское население из Таджикистана, занимал их квартиры. Этими же несчастными гастарбайтерами была разрушена вся инфраструктура их республик, державшаяся на русских кадрах, потому они и лишились работы. Повыгоняли русских с национальных окраин, а теперь едут к нам. Зачем? Или мы забыли “Чемодан, вокзал, Россия”? Если власти не обратят внимание на положение русского народа в провинциях, нынешний век ждет жесточайшая русская национальная революция. Никакие американцы не помогут. Вот об этом и должны сейчас писать русские писатели свои романы и повести. И пишут. Но премий не получают. Премии дают или заказной литературе, как на “Большой книге”, или осознанно провинциальной российской пошлости, как на Букере. Хорошая проза доходит только до шорт-листа, в лучшем случае.

Ю. П.: *Виктор Лихоносов в воспоминаниях о Юрии Селезневе сообщает: порой казалось, что литература для Селезнева была важнее жизни. Нечто подобное о Вас говорит Александр Проханов (“литературный поступок у тебя может быть важнее поступка, осуществленного за пределами искусства, за пределами литературы”), а затем убедительно себя же опровергает. Но все же некоторые Ваши высказывания заставляют смотреть на литературу как на жизнь в высшем проявлении или как на заменитель жизни. Итак, есть ли постоянная бондаренковская формула соотношения литературы и жизни, или эта “величина” переменная?*

В. Б.: Во-первых, литература, особенно в России, стране традиционно литературоцентричной, важнейшая часть жизни. Литература не может быть важнее жизни, потому что подлинная литература – это концентрированное выражение жизни. Хорошая книга – это поступок писателя и событие в жизни общества. Во-вторых, каждому дано от Бога некое погружение. Одним – в сферу физики или математики, другим – в сферу мостостроительства или горного дела. Что важнее, шахта или жизнь для шахтера? Что важнее – строительство дороги или жизнь для строителя дорог? Но не все приходят к разгадке своего погружения, к разгадке своего Дао, то есть своего пути. Многие всю жизнь живут чужой жизнью, чужим погружением, чужим Дао. Есть Дао критика – путь, предначертанный критику свыше. Я думаю, иду по проложенному для меня свыше пути, так и буду идти до самого конца. Литература, по сути, это и есть моя жизнь с малых лет.

Ю. П.: Юбилей – это событие, во время которого принято подводить итоги и намечать планы на будущее. Что в этой связи может сказать юбиляр-Бондаренко?

В. Б.: Нынешние 65 лет – это как бы промежуточный юбилей. Указка свыше, что пора настойчиво стремиться подвести большие свои итоги. Определить, что еще из главных дел не сделано и что надо сделать. Что надо осуществить, пока есть силы, из того, о чем мечталось. К примеру, с детства любил путешествовать. На любой моей работе знали: куда Бондаренко ни пошли, он всегда готов поехать. По неким политическим причинам, о которых уже говорил, за границу долгое время меня не пускали, но я и тут не изображал из себя жертву, как некоторые. Слава Богу, Советский Союз – не Албания и не Непал, которые можно пройти за неделю пешком. У нас был в миниатюре весь мир, свои субтропики, своя тундра, свои пустыни, свои горы, свой север, свой юг, свой восток. Я и как инженер, и как журналист объездил все пятнадцать тогда еще республик, включая родную Карелию. Был и на Новой Земле, и в песках Каракумов, был на Дальнем Востоке, где на той же Камчатке вулканы и выше и величественнее, чем японская Фудзияма, был на Байкале и в Азербайджане, в Грузии и в Прибалтике. Открылись границы – уже как писатель объездил весь мир, последние десять лет увлекся востоком, восточной мифологией. Выпустил книгу “Подлинная история Лунного зайца”. Вот и хочу еще до 70-летия побывать в Киото и в Сеуле, в Мумбае и в той Монголии, куда меня когда-то не пустили. Написать новую книгу о мифическом хранителе бессмертия – Лунном нефритовом зайце.

В этом году должна выйти моя “Книга странствий”, где собраны путевые заметки от Афганистана до Австралии, от Китая до Ливии. Хочу закончить свою давнюю книгу “Сокровенное слово Севера” о моей родной северной Руси. В работе сразу пять книг. Когда я их закончу, есть в голове большой замысел – написать свою книгу об одном из русских гениев. Не знаю, где она может выйти, в ЖЗЛ или в другой серии, или просто сама собой. Я как-то так и не научился коммерчески мыслить. Хватит сил, напишу, увидите, прочтаете.

Пока держусь на поверхности, буду писать свою критику. Вообще-то критика – дело молодое. Главная трудность для стареющего опытного литературного критика – не писать о литературе и книгах, а читать их, следить за происходящим процессом. Ушел из процесса, и ты уже не критик, так, эссеист, наблюдатель и созерцатель. Уверен, русская литература никогда не закончится. Будут периоды смуты, молчания, а потом опять новый прорыв. Я уверен, мы сейчас в прорыве, хотя он и не замечается нашими литературными чиновниками. Так было всегда, настоящую литературу всегда боятся любые власти.

Ю. П., М. З.: Владимир Григорьевич, спасибо за интересную и содержательную беседу. Мы сердечно, с любовью поздравляем Вас с юбилеем и желаем творческого долголетия, неисчерпаемости в любви к литературе и жизни, неиссякающих крепости духа и “пламенного реакционерства” в борьбе за нашу победу.

Поздравляем нашего многоликого колючего и неуступчивого соратника, вечного спорщика и полемиста, критика Владимира Бондаренко с 65-летием!

Редакция